

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026312-9

Литература vs психопатология (Об автобиографическом подтексте повести Достоевского “Двойник”)

© 2023 г. С. А. Кибальник

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
kibalnik007@mail.ru

Резюме. В статье вскрывается автобиографический подтекст повести Достоевского “Двойник”. Показано, что она создавалась в атмосфере постепенного назревания разрыва молодого писателя с кружком Белинского. В разных главах этой повести преломились различные моменты в развитии отношения в нем к Достоевскому — от восторга и восхищения до скепсиса и отторжения. Его разрыву с этим кружком, последовавшему после появления “Послания Белинского к Достоевскому”, предшествовало длительное развитие накопившихся противоречий, которое, очевидно, приходится на ноябрь — декабрь 1845 г. Оно происходило как раз в тот период, когда Достоевский писал последние главы повести, в которых Голядкин-младший проявляет все свое коварство по отношению к Голядкину-старшему. При этом в Голядкине-младшем есть черты, которые, по-видимому, представляют собой аллюзии на некоторые особенности личности молодого Тургенева. Развитие конфликта Достоевского с кружком Белинского, очевидно, обогащало его хронику развития психологического состояния Голядкина-старшего психологическими открытиями.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00481: «Русские писатели и медицина: Биографические и творческие “пересечения” (1820–2020)».

Ключевые слова: Достоевский, психопатология, “Двойник”, повесть, сумасшествие, И.С. Тургенев, кружок В.Г. Белинского.

Для цитирования: Кибальник С.А. Литература vs психопатология (Об автобиографическом подтексте повести Достоевского “Двойник”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 35–42. DOI: 10.31857/S160578800026312-9

Literature vs Psychopathology (On the Autobiographic Subtext of Dostoevsky’s Tale “The Double”)

© 2023 Serguei A. Kibalnik

Doct. Sci. (Philol.)
Leading Resercher at the Institute of Russian Literature
(the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
kibalnik007@mail.ru

Abstract. The article shows that Dostoevsky’s tale “The Double” was created in an atmosphere of gradual maturation of Dostoevsky’s break with Belinsky’s circle. In different chapters of this tale, various moments in the development of his attitude towards Dostoevsky were refracted — from delight and admiration to skepticism and rejection. The final break between Dostoevsky and Belinsky’s circle, which followed after the appearance of “Belinsky’s Message do Dostoevsky”, was preceded by a long development of accumulated

contradictions, which, obviously, falls on November – December 1845. Thus, it took place just at the time when Dostoevsky was writing the last chapters of his story, in which Golyadkin Jr. shows all his cunning towards Golyadkin Sr. At the same time, there are features in Golyadkin Jr. that, apparently, contain allusions to some features of the personality of the young Turgenev, known to us from the reviews of memoirists. “The Double” itself is not a monument to a mental crisis or a manifesto of a psychopathological state, but an attempt by the writer to figure out how and why all this happened to him, and thereby overcome that happened through literary creativity.

Acknowledgements. This study was funded by the Russian Science Foundation, project № № 21-18-00481.

Key words: Dostoevsky, psychopathology, “The Double”, tale, madness, Ivan Turgenev, Belinsky’s circle.

For citation: Kibalnik, S.A. *Literatura vs psihopatologia: Ob avtobiograficheskom podtekste povesti Dostoevskogo “Dvoynik”* [Literature vs Psychopathology (On the Autobiographic Subtext of Dostoevsky’s Tale “The Double”)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 35–42. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026312-9

1

Как известно, кое-кто из первых рецензентов повести Достоевского *Двойник* воспринимал ее как **“сочинение патологическое, терапевтическое, но нисколько не литературное**: это история сумасшествия, разанализированного, правда, до крайности, но тем не менее отвратительного, как труп” [1, с. 30]; (здесь и далее все выделения мои. — С.К.).

Так, даже В.Г. Белинский после своего достаточно хвалебного отзыва о повести, опубликованного вскоре после ее выхода — в 1846 г. в “Отечественных записках” (в № 3; см.: [2, т. 9, с. 563–566]), несколько позднее в статье “Взгляд на русскую литературу 1846 года” в первом номере “Современника” за 1847 г. писал: **“Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе**, и находиться в заведовании врачей, а не поэтов” [2, т. 10, с. 40–41]. По-видимому, именно из такого представления о “Двойнике” впоследствии развилась его интерпретация в экзистенциальном и фрейдистском ключе (см., напр.: [3]; [4]).

Между тем, довольно тесно общавшийся с Достоевским в период создания им этой повести Белинский в своем вышеупомянутом хвалебном отзыве писал о ней исключительно как о литературном произведении. При этом он, быть может, примешивал к своему разбору личные впечатления от знакомства с автором, отношения с которым к этому времени были уже разорваны:

Герой романа — г. Голядкин — один из тех **обидчивых, помешанных на амбициях людей**, которые так часто встречаются в низших и средних слоях общества. **Ему все кажется, что его обижают и словами, и взглядами, и жестами, что против него всюду составляются интриги, ведутся подкобы. <...> ...болезненная обидчивость и подозрительность его характера есть черный демон его жизни, которому суджено сделать ад из его существования** [2, т. 9, с. 563].

Современные исследователи нередко спорят о том, какая именно установка реализована в художественной структуре повести: “психопатологическая” или “установка на действительное существование двойника” ([5, с. 120]; [6, с. 31–53]). Между тем, вопрос о “двойнике”, судя по всему, разрешается просто. Как полагал еще Белинский, “наружное сходство” Голядкина-младшего с Голядкиным-старшим “совсем не так велико и поразительно, как показалось оно ему в его расстроенном воображении” [2, т. 9, с. 565]¹.

По-видимому, то, что Голядкин-младший представляется Голядкину-старшему его двойником, скорее и есть один из симптомов развивающейся в нем болезни. Ведь в повести изображается именно то, как герой ее постепенно сходит с ума: “Подозрительность Голядкина, его неуверенность в самом себе и смятение перед возникшими обстоятельствами свидетельствуют лишь о предрасположенности героя к психическому заболеванию, но не о самой болезни” [8, с. 9, 77].

Именно в таком состоянии нервного расстройства, как известно, все более оказывался сам Достоевский по мере усиления напряженности в отношениях с членами кружка Белинского и вплоть до того момента, когда он попал в Петропавловскую крепость [9, т. 2, с. 212].

2

В исследовательской литературе неоднократно “делались указания на отдельные черты (мнительность, обидчивость, болезненная застенчивость),

¹ Между прочим, именно в таком виде этот мотив разрабатывал впоследствии В.В. Набоков в своем романе “Отчаяние” (1938): Гермону только кажется, что Феликс — его двойник, все остальные такого сходства между ними не усматривают (см.: [7, с. 340, 458]).

позволяющие в той или иной мере **психологически сблизить главного героя Двойника с создателем этой повести**» [10, т. 1, с. 713]. В связи с этим особое значение приобретают личные обстоятельства, в которых создавался «Двойник».

Повесть писалась в атмосфере постепенно назревавшего разрыва Достоевского с кружком Белинского. В редакции 1846 года из четырнадцати ее глав безумие по-настоящему охватывает сознание героя, начиная с одиннадцатой главы. Еще в главе восьмой Голядкин-старший намеревался жить с Голядкиным-младшим «как братья родные» [10, т. 1, с. 520].

Если обратиться к хронологии работы Достоевского над повестью, то мы увидим, что пока Достоевский работал над ее первой половиной, никакого конфликта между ним и кружком Белинского еще не было. Так, 16 ноября 1845 г. он писал брату:

Белинский любит меня, как нельзя более. На днях воротился из Парижа поэт Тургенев (ты, верно, слышал) и с первого раза привязался ко мне такою привязанностию, такою дружбой, что Белинский объясняет ее тем, что Тургенев влюбился в меня [11, т. 28, кн. 1, с. 115].

То есть Достоевский с Тургеневым, как Голядкин-старший с Голядкиным-младшим, жили в то время «как братья родные».

Разрыв между Достоевским и кружком Белинского, судя по всему, произошел уже в январе 1846 г. — после того, как Достоевскому стало известно сочиненное Тургеневым, Некрасовым и Панаевым «Послание Белинского к Достоевскому»². Следовательно, заключительные главы «Двойника» его автор создавал в ситуации обострившегося конфликта с основными участниками кружка Белинского³.

Между прочим, в стихотворной строке XII главы «Двойника» — «Дайте руку на разлуку и т.д.» — есть «измененная цитата из второй части (строфа LIII, стихи 1223–1224) поэмы И.С. Тургенева «Андрей» <...>, составленная из смежных конечных рифмующихся полустий: «Андрей, прощайте.

² Как отмечают комментаторы академического издания сочинений И.С. Тургенева, «дата написания стихотворения может быть уточнена, так как в стихе 28 упоминается «Двойник» Достоевского как произведение еще неизданное. Так как «Двойник» появился во второй (февральской) книжке «Отечественных записок» за 1846 год, послание могло быть написано лишь в самом начале января этого года» [12, с. 607]. По мнению Б.Н. Тихомирова, краткая редакция «Послания...» могла быть написана во второй половине января — феврале или даже марте 1846 г. [13, с. 164].

³ До 24 января Достоевский заканчивал работу, передавал в «Отечественные записки» и читал корректуру повести [11, т. 28, кн. 1, с. 117, 430], [14, т. II, с. 106].

Дайте руку / Не на свиданье — на разлуку...» [10, т. 1, с. 746].

Поскольку номер «Отечественных записок», в котором была напечатана поэма Тургенева, вышел в свет 2 января 1846 г., то, как отмечают комментаторы нового академического издания ПСС Достоевского, «допустимо предположение, что цитата была вставлена оскорбленным Достоевским в текст «Двойника» на последнем этапе работы над ним с намерением придать ей пародийно-полемический смысл, который должен был быть понятным в кругу насмешников» [10, т. 1, с. 746].

Это предположение представляется нам весьма вероятным. Более того, в тексте поэмы Тургенева есть и другие вещи, которые, очевидно, также отразились в «Двойнике». Так, в строках главы XI поэмы — «...наш Андрей, наш бедный друг / (Коварный друг!) глядел не то Фоблазом, / Не то Маниловым...» [12, с. 145] — мы находим сравнение Андрея с Фоблазом, которое в «Двойнике» пушено в ход Голядкиным-младшим по отношению к Голядкину-старшему: «— **Это наш русский Фоблаз, господа; позвольте вам рекомендовать молодого Фоблаза**, — запищал господин Голядкин-младший...» [10, т. 1, с. 567]⁴.

Обращает на себя внимание и сюжетная роль Андрея в поэме как «коварного друга» Фаддея Сергеича [12, т. 1, с. 145], готового соблазнить его жену Авдотью⁵ Павловну.

В Голядкине-младшем и без этого есть некоторые черты, которые, по-видимому, содержат аллюзии на личность Тургенева, как, например, манера героя Достоевского завершать рукопожатие самым оскорбительным образом:

Чтоб только отвязаться, сунул герой наш в простертую ему руку фанатика два пальца своей руки; но тут... тут бесстыдство господина Голядкина-младшего превзошло всяческую человеческую меру. Схватив два пальца руки господина Голядкина-старшего и сначала пожав их, недостойный тут же, в глазах господина Голядкина, решился повторить свою утреннюю бесстыдную шутку. <...> Он уже **прятал платок, которым обтер свои пальцы, в карман**, когда господин Голядкин-старший опомнился [10, т. 1, с. 578].

Возможно, не в последнюю очередь это описание в гротескной форме отсылает именно к Тургеневу.

⁴ Впоследствии аналогичным образом Тургенев будет называть Достоевского «нашим де Садом» [15, т. 13, кн. 2, с. 49, 51].

⁵ Это имя тургеневской героини, возможно, представляет собой аллюзию на Авдотью Панаеву (с 1837 г. замужем за И.И. Панаевым), которая только в 1846 г. стала гражданской женой Некрасова и которой увлекались как Тургенев, так и Достоевский.

Привычка Тургенева целоваться при встрече в близких знакомых на французский манер⁶ впоследствии станет предметом откровенной пародии в “Бесах”:

— А-а! — приподнялся Кармазинов с дивана, утираясь салфеткой, и с видом чистой радости полез лобызаться⁷ <...>. Но Петр Степанович помнил по бывшему уже опыту, что лобызаться-то лезет, а сам подставляет щеку... [10, т. 10, с. 285].

Возможно, молодому Тургеневу была свойственна довольно пренебрежительная манера здороваться за руку, которую Достоевский в “Двойнике” гиперболизировал.

Как известно из мемуаров А.Я. Панаевой, молодому Тургеневу были присущи барствость и хвастовство, за которые Белинский не раз “с досадой говорил ему”: “Когда вы, Тургенев, перестанете быть Хлестаковым?” [15, с. 99]. Если вчитаться в рассказ Панаевой о том, как готовился разрыв Достоевского с кружком Белинского, то нетрудно усмотреть известный параллелизм в отношениях с окружающими Голядкина-старшего:

По молодости и **нервности** он <Достоевский. — С.К.> **не умел владеть собой** и слишком явно высказывал свое авторское самолюбие и сомнение о своем писательском таланте. <...> С появлением **молых** литераторов в кружке беда была попасть им на зубок, а Достоевский, как нарочно, давал к этому повод своею **раздражительностью и высокомерным тоном**, что он несравненно выше их по своему таланту. И пошли перемывать ему косточки, **раздражать его самолюбие уколами в разговорах**; особенно на это был мастер Тургенев — он нарочно втягивал в спор Достоевского и доводил его до высшей степени раздражения. Тот лез на стену и защищал с азартом иногда нелепые взгляды на вещи, которые сболтнул в горячности, а Тургенев их **подхватывал и потешался** [16, с. 148, 149].

Временами Панаева рассказывает о Достоевском почти в тех же выражениях, в каких сам Достоевский повествовал в “Двойнике” о Голядкине-старшем:

Достоевский заподозрил всех в зависти к его таланту и почти в каждом слове, сказанном без всякого умысла, находил, что **желают** умалить его произведение, **нанести ему обиду**. Он приходил к нам **с уже накипающей злобой, придирался к словам**, чтобы **излить на завистников всю желчь, душившую его**. Вместо того, чтобы снисходительно смотреть на **больного, нервного**

человека, его еще сильнее раздражали насмешками. <...> Когда Тургенев, по уходе Достоевского, рассказывал Белинскому о резких и неправильных суждениях Достоевского о каком-нибудь русском писателе, то Белинский ему замечал:

— Ну, да вы хороши, **сцепились с больным человеком, подзадориваете его**, точно не видите, что он в **раздражении**, сам не понимает, что говорит [16, с. 149, 150]⁸.

Окончательному разрыву, последовавшему после появления “Послания Белинского к Достоевскому”, предшествовало длительное развитие накопившихся противоречий, которое, очевидно, приходится на ноябрь — декабрь 1845 г. Следовательно, оно происходило как раз в тот период, когда Достоевский писал последние главы своей повести, в которых Голядкин-младший проявляет все свое коварство по отношению к Голядкину-старшему.

Между прочим, сходные «комические сюжетные и стилистические аналогии с повестью Достоевского “Двойник”» отмечены и в незавершенной автобиографической повести Некрасова “В тот же день часов в одиннадцать утра...”: “...рассказ о переживаниях Глазиевского, связанных с посещением Мерцалова, заставляет вспомнить описание состояния Голядкина накануне визита к доктору Крестьяну Ивановичу” [18, т. 8, с. 770].

3

Достоевскому очень скоро пришлось убедиться в справедливости “общего мнения” о молодом Тургеневе как о человеке, о котором даже его доброхоты отзывались как о “никогда не имеющем в своем распоряжении искреннего слова и чувства...” [19, с. 357].

В то же время, себя Достоевский всегда готов был обвинить в каких угодно грехах, кроме неискренности:

...к нему можно было прямо прийти и сказать: “Федор Михайлович, я вас ценю и уважаю потому-то и потому-то”. Он непременно дружески протянет руку и ответит: “Спасибо! И я люблю вас, потому что уж если вы пришли и сказали мне это так просто и чисто-сердечно, то, стало быть, **вы человек добрый и прямодушный**” [9, т. 2, с. 343]⁹.

⁶ Ср. слова в письме Достоевского к А.Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.: “Не люблю тоже его аристократически-фразерское объятие, с которым он лезет целоваться, но подставляет Вам свою щеку...” [11, т. 28, кн. 2, с. 210].

⁷ Ср. призыв Голядкина-младшего Голядкину-старшему: “Поцелуемся, душака!” — продолжал он с нестерпимой фамильярностью, подвигаясь к предательски оскорбленному им человеку» [10, т. 1, с. 567].

⁸ Разумеется, нельзя исключить возможность влияния на позднейший мемуарный рассказ Панаевой изображения раздражительности Голядкина-старшего в “Двойнике”, но скорее здесь может сказываться знакомство Панаевой с литературными памфлетами Некрасова (см.: [17, с. 223]) и с его незавершенной автобиографической повестью “В тот же день часов в одиннадцать утра...” (см. о ней ниже).

⁹ “Достоевский и Голядкин — тоже двойники”, — отмечал еще Н.Е. Осипов [20, с. 89].

Однако именно как гораздо более светский, обходительный и умелый в обращении с людьми, но неискренний и коварный человек Голядкин-младший противопоставлен Голядкину-старшему в повести “Двойник”. Что же касается Голядкина-старшего, то он как раз с самого начала и далее на протяжении всей повести ставит себе в заслугу то, что он “не интриган”¹⁰.

Вначале он противопоставляет себя в таком качестве племяннику своего начальника Андрея Филипповича Владимиру Семеновичу, успешно соперничая с ним в искании руки Клары Олсуфьевны:

Не интригант — а этим тоже горжусь. Действую не втихомолку, а открыто, без хитростей... <...> Иду я, Крестьян Иванович, — стал продолжать наш герой, — прямо, открыто и без окольных путей, потому что их презираю и предоставляю это другим. <...> Полуслов не люблю; мизерных двуличностей не жалую; клеветой и сплетней гнушаюсь. Маску надеваю лишь в маскарад, а не хожу с нею перед людьми каждодневно [10, т. 1, с. 480].

В тех же примерно выражениях, что и своему доктору Крестьяну Ивановичу, Голядкин декларирует это отцу девушки, руки которой он добивается, и сослуживцам-регистраторам:

Я сам дело начистоту и открыто веду, Олсуфий Иванович”; “Есть люди, господа, которые не любят окольных путей и маскируются только для маскарада. <...> Не интригант и этим горжусь. В дипломаты бы я не годился [10, т. 1, с. 483, 487].

При этом с самого начала Голядкину-старшему представляется, что против него существует заговор:

— У меня есть враги, Крестьян Иванович, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые **меня погубить покаялись...** — отвечал господин Голядкин боязливо и шепотом; <...> Да, Крестьян Иванович, **заплели они сплетню.** <...> Что они выдумали, чтоб убить человека? <...> Да, Крестьян Иванович, **чтоб убить человека, нравственно убить человека** [10, т. 1, с. 481, 483].

Таким образом, в воображении Голядкина-старшего фигура его противника, человека прямо противоположного склада, — лицемера и интригана — намечается задолго до появления Голядкина-младшего.

Последний же очень скоро обнаруживает себя своего рода материализацией самых худших опасений героя:

...предательски поруган тем, кого еще вчера считал первейшим и надежнейшим другом своим... Тут господину Голядкину-старшему показалось, что **вероломный**

¹⁰ Это даже отметил Белинский в своем отзыве о “Двойнике”: “Г-н Голядкин в восторге от одной своей добродетели, которая состоит в том, что он **ходит не в маске, не интриган, действует открыто и идет прямою дорогою**” [2, т. 9, с. 563].

друг его улыбается, что он бегло и плутовски мигнул всей окружавшей их толпе, что есть что-то зловещее в лице неблагопристойного господина Голядкина-младшего... [10, т. 1, с. 531, 604–605].

При этом Голядкин-младший постоянно демонстрирует умение создавать себе сторонников, в окружении которых он постоянно находится:

...сказал словцо одному, пошептался о чем-то с другим, почтительно полизался с третьим, адресовал улыбку четвертому, дал руку пятому...; осклабившись, вертясь, семеня, с улыбочкой, которая так и говорила всем “доброго вечера”, втерся он в кучку чиновников, тому пожал руку, этого по плечу потрепал, третьего обнял слегка... [10, т. 1, с. 532, 566].

Не напоминает ли это дар Тургенева окружать себя приспешниками, который отмечали в нем многие мемуаристы и который впоследствии Достоевский изобразил в Зверкове и К° из “Записок из подполья”? (см. об этом: [21, с. 77–86]). При том что у самих приспешников Тургенева не было особых иллюзий относительно объекта их поклонения. Так, П.В. Анненков, вспоминая о Тургеневе, постоянно поминает о “развязности его речей, видной роли, которую он всегда предоставлял себе в рассказах и какой-то **кажущейся, фальшивой расточительности, побуждавшей его не отставать от затейливых походов и удовольствий...**” [19, с. 370]. Он приводит немало примеров того, как Тургенев “**удерживал за собой право играть доверием людей, не чувствуя, по-видимому, никакой вины на своей совести за проделки подобного рода**” [19, с. 361].

4

Среди черновых набросков к предполагавшейся переработке повести, возможно, не случайно есть и такой: “Г. Голядкин погибает под чашей горестей и пишет письмо к Голядк<ину>-младшему, своему смертельному врагу, о руке помощи (рыцарское письмо). (Я у Бекетовы<х>. **Иду к Тург<еневу>.**)” [10, т. 1, с. 607].

Комментаторы второго академического издания полагают, что Достоевский «...намеревался здесь, по-видимому, использовать эпизод из своей жизни, описанный Д.В. Григоровичем в его воспоминаниях и связанный с ухудшением отношений между Достоевским и кружком “Современника”, в котором сыграла свою роль и сочиненная И.С. Тургеневым при участии Н.А. Некрасова эпиграмма на Достоевского “Послание Белинского к Достоевскому” (“Витязь горестной фигуры...”» [10, т. 1, с. 751].

Что касается времени появления этой эпиграммы, то не исключено, однако, что она относится

к лету или даже к осени того же года. Д.В. Григорович вспоминал:

При встрече с Тургеневым, принадлежавшим к кружку Белинского, Достоевский, к сожалению, не мог сдержаться и дал полную волю накипевшему в нем негодованию <...> После сцены с Тургеневым произошел окончательный разрыв между кружком Белинского и Достоевским; он больше в него не заглядывал. На него посыпались остроты, едкие эпиграммы, его обвиняли в чудовищном самолюбии... (цит. по: [10, т. 1, с. 751]).

Приведенные выше фразы из воспоминаний Григоровича также могли бы служить комментарием к отношениям Голядкина-старшего с Голядкиным-младшим. Очевидно, сходным образом осмыслял в конце 1840-х годов свой разрыв с кружком Белинского и сам автор “Двойника”. Не только отдельные детали в отношениях Достоевского с Тургеневым, но и, по-видимому, весь характер этих отношений отозвались в истории коварного предательства Голядкина-младшего по отношению к Голядкину-старшему.

Отозвались они и в некоторых других, последующих произведениях Достоевского — в частности, в “Неточке Незвановой” (1849) в словах скрипача Б. Ефимову о том, что “когда ты хоть немного достигнешь цели <...> твои будущие товарищи <...> с злою радостью будут поднимать каждую ошибку твою...” [10, т. 2, с. 233].

5

Таким образом, повесть Достоевского “Двойник” создавалась в атмосфере постепенного назревания разрыва Достоевского с кружком Белинского. В разных главах этой повести преломились различные моменты в развитии отношения его членов к Достоевскому — от восторга и восхищения до скепсиса, насмешки и отторжения. Сам же “Двойник” — не памятник душевного кризиса или манифест психопатологического состояния, а попытка писателя разобраться в том, как и почему все это с ним произошло, и тем самым преодолеть случившееся посредством литературного творчества.

Возникает вопрос, в какой мере развитие сюжета повести было предопределено изменениями в личных отношениях Достоевского с кружком Белинского. Что же, Достоевский в истории Голядкина-старшего всего лишь следовал реальной истории своего конфликта с Тургеневым и К? Ответить на этот вопрос с полной определенностью затруднительно.

Тем не менее, представляется, что прежде всего Достоевский следовал внутренней логике развития психопатологического состояния, в котором он находился, которое наблюдал и анализировал. А она заключается в том, что окружающие

при этом начинают демонизироваться, независимо от того, в какой мере они дают реальные основания для этого. В “Двойнике” Достоевский изображает то, что с человеком делает его “болезненно раздраженное самолюбие” [10, т. 3, с. 12], которое — на сей раз в соединении с личной “ничтожностью” — станет предметом его изображения в романе “Село Степанчиково и его обитатели” (1859). Однако развитие конфликта Достоевского с кружком Белинского, очевидно, обогащало его хронику развития патологического состояния Голядкина-старшего психологическими открытиями.

Вслед за Н.Е. Осиповым [20] и другими представителями психоаналитического литературоведения И.М. Кадыров убежден, что эту повесть **“можно воспринимать как литературную трансформацию личного опыта самого Достоевского, личность которого была отмечена значительным внутренним дуализмом”**. При этом он соглашается с Л. Брегером в том, что когда психоаналитическая критика обращается с литературным текстом как с симптомом, а с его автором — как с пациентом, то это “наихудший вариант применения” подобного метода: **«Брегер убежден, что в своих произведениях Достоевский в первую очередь сам выступает в качестве автора-психоаналитика, проводящего блестящий анализ и самоанализ»¹¹**. <...> в “Двойнике”, как и в других работах, **писатель высвечивает и пародирует свои собственные проблематичные стороны, доводя их до гротеска»** [22].

Мучительные переживания Достоевского по поводу его разрыва с кружком Белинского, как известно, продолжались и после создания “Двойника”, подпитываясь то и дело появляющимися в печати фельетонами против Достоевского “Нового Поэта” (И.И. Панаева) (см.: [23]). Это продолжалось вплоть до апреля 1849 г., когда он был заключен в Петропавловскую крепость.

При этом даже написанный Достоевским в крепости рассказ “Маленький герой” внешне совершенно безмятежный, внутренне направлен против Панаева: в любовном треугольнике “М-ме М. — мсье М. — Н-ий” в общих чертах воспроизведен аналогичный реальный треугольник в редакции “Современника”: Авдотья Панаева — Иван Панаев — Некрасов (см.: [24, с. 228])¹².

¹¹ Этому способствовало знакомство Достоевского со специальной медицинской литературой “о болезнях мозга и нервной системы, о болезнях душевных и о развитии черепа по старой, но в то время бывшей в ходу системе Галла”, которое отмечал врач С.Д. Яновский, познакомившийся с писателем вскоре после появления в печати “Двойника” [10, т. 1, с. 239].

¹² Соответственно, рассказ, посвященный “первой любви” ребенка (очевидно, для затемнения автобиографического

Представители психоаналитической критики единомышленно полагали повесть Достоевского “Двойник” “литературной трансформацией личного опыта” самого писателя. Теперь, мне кажется, об этом можно говорить не только в абстрактно-психологическом, но и в конкретно-автобиографическом смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.А. “Петербургский сборник” // Финский вестник. 1846. № 9. Отд. V, с. 28–32.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
3. Чиж В.Ф. Достоевский как психопатолог. Очерк. М.: Унив. тип., 1885. 123 с.
4. Reber N. Studien zum Motiv des Doppelgängers bei Dostojewskij und E.T.A. Hoffmann, Gießen, 1964. 240 p.
5. Захаров В.Н. Трагедия Голядкина (о повести Достоевского “Двойник”) // О традициях и новаторстве в литературе. Вып. 4. Уфа, 1976. С. 115–129.
6. Захаров В.Н. Гениальный “Двойник”: почему критики не понимают Достоевского? // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 31–53.
7. Набоков В.В. Собр. сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. 480 с.
8. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 208 с.
9. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990.
10. Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений и писем: В 35 т. Художественные произведения. Т. 1–3. СПб.: Наука, 2013–2015.
11. Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
12. Тургенев И.С. Полн. собр. сочинений и писем: В 28 т. Сочинения: В 12 т. Письма: В 18 т. 2-е изд. М.; Л.: Наука, 1960–1968.
13. Тихомиров Б.Н. Стихотворное “Послание Белинского к Достоевскому”. Итоги и проблемы изучения // Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф.М. Достоевского: Коллективная монография. 2-е издание. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 150–168.
14. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. Т. 1: 1821–1864. СПб.: Академический проект, 1993. 530 с.
15. Тургенев И.С. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Письма: В 18 т. 2-е изд. Л.; СПб.: Наука, 1978–.
16. Панаева А.Я. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1986. 416 с.
17. Чуковский К. Пляда Белинского и Достоевский [Вступ. очерк к “Каменному сердцу”] // Некрасов Н.А. “Тонкий человек” и другие неизданные произведения. Собрал и пояснил К. Чуковский. М.: Федерация, 1928. С. 5–22.
18. Некрасов Н.А. Полн. собр. сочинений: В 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
19. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. 688 с.
20. Осипов Н.Е. “Двойник”: “Петербургская поэма” Ф.М. Достоевского // О Достоевском: Сб. статей. Прага, 1929/1933/1936. М.: Русский путь, 2007. С. 74–90.
21. Кибальник С.А. Криптографические образы И.С. Тургенева в творчестве Ф.М. Достоевского 1860-х годов // Филологические науки. 2019. № 3. С. 77–86.
22. Кадыров И.М. “Двойник” Ф.М. Достоевского: попытка психоаналитической интерпретации // Консультативная психология и психотерапия. 2002. Т. 10. № 1. URL: https://psyjournals.ru/mpj/2002/n1/Kadyrov_full.shtml
23. Дауговитш С. Превращение “маленького гения” в “маленького героя” (И. Панаев и Ф. Достоевский) // “Педагогія” Ф.М. Достоевского. Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2003. С. 62–65.
24. Peace R. Dostoevsky’s “Little Hero” and “The Knight of the Sad Countenance” // Life and Text: Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday. Oslo, 1997. P. 221–237.

REFERENCES

1. Grigoryev, A.A. “*Peterburgskiy sbornik*” [“The St. Petersburg Collection”]. *Finskiy vestnik* [Finnish Bulletin]. 1846, No. 9, Part V, pp. 27–32. (In Russ.)
2. Belinsky, V.G. *Polnoye sobraniye sochinenij v 13 t.* [Complete Works in 13 Vols]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)
3. Chizh, V.F. *Dostoevskiy kak psikhopatolog. Ocherk.* [Dostoevsky as a Psychopathologist. An Essay]. Moscow, 1885. 123 p. (In Russ.)
4. Reber, N. Studien zum Motiv des Doppelgängers bei Dostojewskij und E.T.A. Hoffmann. Gießen, 1964. 240 S. (In Germ.)
5. Zakharov, V.N. *Tragediya Goliadkina (o povesti Dostoevskogo “Dvoynik”)* [Golyadkin’s Tragedy (on Dostoevsky’s Tale “The Double”)]. *O traditsiyah i novatorstve v literature* [About Traditions and Innovation in Literature]. Ufa, 1976, Issue 4, pp. 115–129. (In Russ.)
6. Zakharov, V.N. *Genialnyi “Dvoynik”: pochemu kritiki ne ponimayut Dostoevskogo?* [The Ingenious “Double”: Why Critics Don’t Understand Dostoevsky?]. *Neizvestnyi*

подтекста героем его сделан одиннадцатилетний мальчик), в действительности оказывается памятником влюбленности Достоевского в Авдотью Панаеву.

- Dostoevsky* [Unknown Dostoevsky]. 2020, No. 3, pp. 31–53. (In Russ.)
7. Nabokov, V.V. *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Complete Works in 4 Vols.]. Vol. 3. Moscow, Pravda Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)
 8. Zakharov, V.N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo. Tipologiya i poetika* [Dostoevsky's System of Genres: Typology and Poetics]. Leningrad, 1985. 208 p. (In Russ.)
 9. F.M. Dostoevsky v vospominaniyah sovremennikov v 2 t. [F.M. Dostoevsky in Memoirs of Contemporaries in 2 Vols.]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1990. (In Russ.)
 10. Dostoevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 35 t. Khudozhestvennyye proizvedeniya. T. 1–3* [Complete Works: in 35 Vols. Artistic Works. Vol. 1–3]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2015. (In Russ.)
 11. Dostoevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
 12. Turgenev, I.S. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 28 t.* [Complete Works: in 28 Volumes]. *Sochineniya: V 15 t. Pisma: V 13 t.* [Artistic Works: in 15 Vols. Letters: in 13 Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1960–1968. (In Russ.)
 13. Tikhomirov, B.N. *Stikhotvornoye "Poslaniye Belinskogo k Dostoevskomu". Itogi i problemy izucheniya* ["The Poetic "Belinsky's Message to Dostoevsky". Results and Issues of its Studies]. *Novyye arhivnyye i pechatnyye istochniki nauchnoi biografii F.M. Dostoevskogo. Kollektivnaya monografiya. 2-e izd.* [New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F.M. Dostoevsky: A Collective Monograph. 2nd Edition]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2021, pp. 150–168. (In Russ.)
 14. *Letopis zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo v 3 t.* [The Chronicle of F.M. Dostoevsky's Life and Works Activity]. Vol. 1: 1821–864. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993. 530 p. (In Russ.)
 15. Turgenev, I.S. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 30 t. Sochineniya v 18 t. Pisma: V 12 t.* [Complete Works in 30 Vols. Artistic Works: in 18 Vols. Letters: in 12 Vols.]. Leningrad, St. Petersburg, Nauka Publ., 1978–. (In Russ.)
 16. Panaeva, A.Ja. *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1986. 416 p. (In Russ.)
 17. Chukovskiy, K. "Pleyada Belinskogo i Dostoevskiy" (*Vstupitelnyi ocherk k "Kamennomu serdtsu"*) ["Belinsky and Dostoevsky's Galaxy" (An Introduction to "The Stone Heart")]. Nekrasov, N.A. *Tonkiy chelovek i drugiye neizdannyye proizvedeniya. Sobral i poyasnil K. Chukovskiy* ["The Thin Man" and Other Unpublished Works. Collected and Explained K. Chukovsky]. Moscow, Federatsiya Publ., 1928, pp. 5–22. (In Russ.)
 18. Nekrasov, N.A. *Polnoye sobraniye sochineniy v 15 t.* [Complete Works in 15 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
 19. Annenkov, P.V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 688 p. (In Russ.)
 20. Osipov, N. "Dvoynik": "Peterburgskaya poema" F.M. Dostoevskogo ["The Double: St. Petersburg Poem"]. *O Dostoevskom. Sbornik statey. Praga, 1929/1933/1936* [About Dostoevsky: Collection of Articles. Prague, 1929/1933/1936]. Moscow, Russkiy put Publ., 2007, pp. 74–90. (In Russ.)
 21. Kibalnik, S.A. *Kriptographicheskiye obrazy I.S. Turgeneva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo 1860-h godov* ["The Cryptographic Images" of I.S. Turgenev in F.M. Dostoevsky's Works of the 1860s]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences]. 2019, No. 2, pp. 77–86. (In Russ.)
 22. Kadyrov, I.M. "Dvoynik" F.M. Dostoevskogo: popytka psihoanaliticheskoy interpretatsii [Dostoevsky's "The Double": An Attempt of Psychoanalytic Interpretation]. *Konsultativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2002, Vol. 10, No. 1. URL: https://psyjournals.ru/mpj/2002/n1/Kadyrov_full.shtml (In Russ.)
 23. Daugovish, S. *Prevrashcheniye "malenkogo genia" v "malenkogo geroya" (I. Panaev i F. Dostoevskiy)* [The Transformation of "Little Genius" in "Little Hero" (I.I. Panaev and F.M. Dostoevsky)]. "Pedagogiya" F.M. Dostoevskogo ["Pedagogy" of F.M. Dostoevsky]. Kolomna, 2003, pp. 62–65. (In Russ.)
 24. Peace, R. Dostoevsky's "Little Hero" and "The Knight of the Sad Countenance". *Life and Text: Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday*. Oslo, 1997, pp. 221–237.

Дата поступления материала в редакцию: 21 декабря 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 января 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on December 21, 2023
Revised on January 27, 2023
Accepted on April 15, 2023
Date of publication: June 30, 2023